

ЛЮДМИЛА ШАХОВСКАЯ

СИВИЛЛА –
ВОЛШЕБНИЦА
КУМСКОГО ГРОТА

Женские лики – символы веков

Людмила Шаховская
**Сивилла – волшебница
Кумского грота**

«Public Domain»

1882

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Шаховская Л. Д.

Сивилла – волшебница Кумского грота / Л. Д. Шаховская —
«Public Domain», 1882 — (Женские лики – символы веков)

ISBN 978-5-486-03605-7

Княгиня Людмила Дмитриевна Шаховская (1850—?) – русская писательница, поэтесса, драматург и переводчик; автор свыше трех десятков книг, нескольких поэтических сборников; создатель первого в России «Словаря рифм русского языка». Большинство произведений Шаховской составляют романы из жизни древних римлян, греков, галлов, карфагенян. По содержанию они представляют собой единое целое – непрерывную цепь событий, следующих друг за другом. Фактически в этих 23 романах она в художественной форме изложила историю Древнего Рима. В этом томе представлен роман «Сивилла – волшебница Кумского грота», действие которого разворачивается в последние годы предреспубликанского Рима, во времена царствования тирана и деспота Тарквиния Гордого и его жены, сумасбродной Туллии. Особой линией проходит в романе тема любви...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-486-03605-7

© Шаховская Л. Д., 1882
© Public Domain, 1882

Содержание

Часть первая. Царская дочь	6
Глава I. Тирания	6
Глава II. Свадьба влюбленных	8
Глава III. Упорхнувшая птичка	11
Глава IV. Это твой рок!..	14
Глава V. След потерян	18
Глава VI. Жив или нет?	21
Глава VII. «Ах, ведь я его люблю!..»	24
Глава VIII. Римская тюрьма	25
Глава IX. Мифы о загробном мире	28
Глава X. Ответ оракула	31
Глава XI. Он любит другую!..	34
Глава XII. Война и мир	37
Глава XIII. Уличенный во лжи	40
Глава XIV. Безрадостный пир	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Людмила Шаховская
Сивилла – волшебница Кумского грота

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2009

© ООО «РИЦ Литература», 2009

* * *

Часть первая. Царская дочь

Глава I. Тирания

Прошло много лет после злодеяний, узурпаторски доставивших власть над Римом Тарквинию Гордому и его жене Туллии – женщине энергичной до такой степени, что тиран вынужден был делить власть с нею, повелевая римлянами совместно со своей женой.

Действуя на римлян то лестью, то обаянием величия своей наружности, гордой и красивой, то блеском роскошной одежды, то важностью осанки, то свирепо умиряя недовольных толпами рабов и наемников, Тарквиний делал что хотел, совершенно игнорируя и сенат и комиции. Все в Риме беспрекословно повиновались ему.

И он и жена его Туллия, оба вели развратную, расточительную жизнь в доме погубленного ими царя Сервия, превратив его из скромного жилища экономного хозяина в палаты, отделанные со всей возможной в те времена роскошью.

В некоторых случаях, считаемых за очень важные, для убеждения суеверных римлян в том, чего ему хотелось от них, Тарквиний обращался к знаменитой волшебнице сивилле Кумской.

Одной из главных особенностей этой гадалки, ставленницы знаменитого на весь тогдашний мир оракула Аполлона Дельфийского, было ее *бессмертие*, о поддержании которого жрецы старательно заботились, заменяя с незаметной постепенностью одну женщину другой.

Как тысячелетняя сивилла должна была казаться очень дряхлой, но она не могла постоянно сидеть в таинственном гроте около Кум близ Неаполя. Ей приходилось странствовать к таким лицам, которые вызывали ее к себе издалека, или жрецы Аполлона посылали ее к ним. Гадалке было невыгодно отказываться от посещений ею царей, лукумонов, выборных временных или пожизненных республиканских глав самнитов, вольсков и других племен Италии, имевших различный образ правления.

Настоящей старухе это было бы не под силу. Поэтому сивилла лишь должна была казаться дряхлой, а на самом деле выбиралась из сильных, крепких особ среднего возраста.

Таких жило несколько в Кумском гроте с целой ватагой слуг, способных защитить от грабителей приношения, получаемые с гадающих, которых старались уверить, будто сивилла – все одна и та же особа, которая тысячу лет живет совершенно одиноко в подземном лабиринте пещер, соединенных проходами, – живет, защищаемая и получающая все нужное от служащих ей духов земли, воды, воздуха.

Ей, говорили, ветер приносит новое платье, посуду, мебель; море выбрасывает к самой пещере рыб для пищи.

Сивилла никогда не хворает и не утомляется далекими переходами, потому что она всюду моментально переносится, куда ей надо, а в пещере оставляет на это время свою *созию*, то есть тень, которая гадает за отсутствующую, так что никто не знает, когда она уходит и возвращается.

Появления этой волшебницы перед очами римлян обходились Тарквинию очень дорого, зато приносили желательные результаты.

У него и Туллии кроме дочери от первой жены было трое сыновей – Секст, Арунс, Тит, злые, развращенные юноши, на которых римляне взирали с боязнью.

Главнокомандующим Тарквиний сделал Спурия, человека заслуженного и во всех отношениях хорошего, – этим он одинаково угодил и плебсу и патрициям и отчасти даже замял дурные толки римлян о гибели царя Сервия и его любимцев.

Годы минули, и дурная молва затихла, зато про Луция Юния Брута римляне толковали очень много и долго. Это был герой всей эпохи тирании Тарквиния.

Молва про знаменитого Говорящего Пса ходила самая странная, разнообразная. Пытались обвинять его в непристойной любви с Туллией, но доказательств не нашли, так как эта женщина слишком явно пятнала свою репутацию с другими людьми, обращаясь со злополучным Брутом как с шутком – приживальщиком из бедных родичей, и не более.

Брут жил в ее чертогах, но не пользовался никакими преимуществами среди других приближенных. Он сам отказывался от всего, что ему предлагали, – не принял ни клочка земли в поместье, не занял никакой почетной должности. На руках его никто не видел ни одного перстня, кроме того золотого кольца, что составляло знак сенаторского звания.

Одежда этого эксцентричного человека всегда была проста, ветха, разорвана, запачкана пролитым вином и едой.

В его нечесаных, всклокоченных волосах постоянно торчали соломинки, цветы и другая всякая всячина – результаты его лазанья под стол во время пиров, чтобы хватать гостей за ноги, срывать с них башмаки; торчала всякая всячина и как украшения, полученные в насмешку от сыновей Тарквиния.

Брут остался шутком Туллии, ее Говорящим Псом, как он сам себя называл.

Иногда этот злополучный человек бывал полезен кому-либо, спасая от неминуемой смерти или ссылки, даже принимая вину на себя, но это редко удавалось при хитрости и зоркости злодейки Туллии.

Друзья Брута гибли один за другим.

Тяжелее всех таких утрат ему неотступно вспоминалась лютая казнь, постигшая Турна Гердония, обвиненного в составлении заговора против узурпатора.

Не смея ни осуждать бесчеловечный приговор, ни даже выказывать печаль при гибели невинного друга, ни тем менее спасти его, Брут едва мог проститься с осужденными.

В его ушах повторялся предсмертный завет несчастного Турна:

– Мое имение расхищено, но у меня есть сокровища еще более драгоценные. Луций Юний, спаси детей моих! Моя Ютурна – красавица... опасный дар Судьбы! А Эмилий совсем крошка. Какая участь ожидает этих беспомощных сирот под гнетом тирании узурпатора?!

Брут много плакал, вспоминая этот предсмертный возглас, последнюю мольбу Турна, обращенную к нему:

– Луций Юний, спаси детей моих!..

Глава II. Свадьба влюбленных

Бруту не было надобности идти или ехать на лесную пригородную топь, чтоб видеть в полночь призрак утопленного друга – и в полночь и в полдень Турн как живой стоял в его памяти, повторяя предсмертную мольбу:

– Луций Юний, спаси детей моих!..

Этот завет умирающего страдальца Брут выполнил лишь вполнину – старших сыновей Турна, уже почти взрослых, Тарквиний скоро обезглавил. Брут сумел отстоять от гибели только двух малюток, а чтобы иметь их при себе, он уговорил Туллию взять их в товарищи игр ее сыновьям и падчерице Арете.

Тарквиний едва терпел их, называя змеенышами, пригретыми Брутом себе или им самим на гибель. Туллия обращалась с ними, этими благородными сенаторскими детьми, как с рабами. Ненавидела эта жестокая женщина и дочь своего мужа – свою родную племянницу, ибо Тарквиний был женат на ее родной сестре, которую с согласия этой злодейки задушил или отравил.

Одинокое росла в доме отца и мачехи бедняжка Арета. Никем не ласкаемая, без всякого надзора провела она детство, точно подкидыш в семье. Ничему ее не учили, никто о ней не заботился, к ней даже подойти боялись, чтоб участием к сиротке не навлечь на себя гнев тиранки.

Брут тоже боялся ласкать Арету даже на правах родственника, не ласкал он и детей Турна. Пока они были маленькими, не имевшими сознательного взгляда на жизнь, им жилось хорошо и при подобных обстоятельствах. Они спокойно играли сытые и веселые, радуя этим сердце Брута, пока не выросли.

Детей, принятых в семью узурпатора, было много. В их числе находились родственник Тарквиния Луций Коллатин, Лукреция, дочь Спурия, сыновья Брута, его племянники и другие.

Вителий и Юний были любимы сыновьями Тарквиния за схожую с ними грубость, смелость, склонность к запретным удовольствиям, удалым выходкам дурного сорта, дерзости относительно старших.

Арета подружилась с Лукрецией и Эмилием.

Ютурна стояла особняком среди мелюзги роскошных палат. Возрастом значительно старше и веселой гурьбы неугомонных шалунов, и дружеской группы кротких смиренных, дочь Турна не могла примкнуть ни к тем ни к другим.

И не только вследствие разницы возраста, но по самой своей натуре Ютурна была существом, казалось бы, диким, нелюдимым.

Ей не нашлось пары среди обыкновенных смертных; ее душа жаждала чего-то идеального; ее любовь мог привлечь только такой же эксцентричный человек, как она.

Такой человек когда-то был подле нее. Был даже любим ею, хотя и бессознательно, по-детски, в далекие, минувшие годы ее жизни при родителях. Это был родственник ее семьи Арпин, но он исчез, и носилась молва, будто по навету одного из жрецов Тарквиний тайно убил его.

Ютурна до сих пор часто вспоминала Арпина.

Она любила забираться в самую густую чащу огромного сада, а там по целым дням лежала на траве, погруженная в странные, никому не понятные думы, или взлезала на дерево с ловкостью мальчика и качалась на ветвях, воображая себя дриадой.

У нее был хороший голос, но никогда она не пела песен, выражая в пении свои чувства и идеи лишь собственными словами. Это был необыкновенный речитатив, импровизация.

Не брав ни у кого уроков, Ютурна по слуху выучилась играть на лире и свирели от детей. Молча прислушиваясь и приглядываясь к их занятиям других, она переняла грамоту. От рабынь она научилась шить.

Она выросла очень красивой и умной девушкой, но была нелюбима всеми детьми – и резвыми и смирными – за нелюдность.

Из них только один, ее брат Эмилий, чувствовал к ней некоторую нежность, но внешне отношения к Ютурне и с его стороны были холодны.

Годы шли своим чередом, и дети выросли.

Разно, каждый по своему, взглянули они на предстоящий им жизненный путь.

Юний Брут с горестью увидел, как сыновья его под влиянием буйных детей Тарквиния развратились, стали обращаться с отцом непочтительно.

Эмилий вышел умным, но не смелым юношей. Его подчиненное, полурабское положение наложило на него печать робости; он боялся Брута и ненавидел его, даже считал погубителем своего отца. Состарившийся чудака никогда не был ласков с ним, но Эмилий не знал, что обязан одному этому человеку спасением своей жизни и теми немногими остатками отцовского состояния, которые имел.

Луций Коллатин женился на Лукреции, дочери Спурия. Этот брак совершился с общего согласия родных.

Не имея матери, Лукреция должна была просить одну из пожилых родственниц заступиться при ней место ее родительницы.

Сама Туллия охотно приняла на себя эту обязанность; она была в хорошем расположении духа, давно уже ни на кого не сердилась, потому что Тарквиний, сделав удачный набег на сабинян, вернулся с богатой добычей, которая пошла вся на безумные прихоти его жены.

Туллия пожелала отпраздновать свадьбу своего родственника Луция как можно величественнее.

Луций жил не в Риме, а в очень близком к нему городке Коллатии. Его второе имя было Тарквиний, данное ему отцом в честь рекса-узурпатора.

Чтоб не смешивать их в разговоре, этого молодого человека звали Коллатином – по имени городка, котором он жил.

Утро дня свадьбы Туллия провела с Лукрецией и ее подругами в совершении разных обрядов, в полдень угостила всех приглашенных роскошным обедом, а потом занялась туалетной возней, вынув из сундуков, шкафов, и ларцов все свои многочисленные вещи.

Она любила не только быть хорошо одетой сама, но и видеть своих ближних, свиту в богатых нарядах. Одев роскошно Арету, она не поскупилась на украшения и для Ютурны; не любя ни ту ни другую, она тешилась ими, как красивыми куклами.

Способность Ютурны к импровизации песен доставляла тиранке утешение в неприятные минуты после гнева, когда в ней пробуждалось воспоминание о погубленных ею муже, сестре, отце.

Постоянное пьянство и разврат не остались без влияния на здоровье Туллии; на нее стала часто находить нервная тоска и беспричинный ужас. То ей казалось, будто все ее приближенные стали изменниками, то в моменты суеверного настроения мерещился предсмертный, вселяющий в нее панику взгляд отравленного ею Арунса, ее первого мужа; слышалось хрипение в судорогах задушенной или тоже отравленной сестры или треск костей раздавленного отца, которого Туллия умышленно переехала колесницей.

Кара судьбы над злодейкой началась.

В такие минуты только два человека могли развлечь ее и успокоить: Юний Брут и Ютурна.

Они стали необходимы Туллии.

Если успокаивающая речь Брута, перемешанная остротами и шутками, оказывалась бес- сильной, он звал Ютурну.

Молодая девушка, играя на лире, пела о прохладе вечера после знойного дня, о нимфе, убегавшей от фавна, о величии богов, о голубке, спасшейся от ястреба.

Туллия слушала это странное пение, непохожее ни на какие другие песни, и успокаива- лась.

Любить Ютурну как существо живое, из рода человеческого Туллия не могла, но она любила ее как хорошее животное или вещь, доставляющую удовольствие.

Она хотела похвастать на свадебном пире способностью Ютурны и для большего эффекта дала ей несколько своих любимых украшений.

Идти пешком до самой Коллации было невозможно.

Луcretия, одетая в белое платье и желтую вуаль без всяких украшений, села в богатую повозку подле своего влюбленного жениха.

Туллия, сидя рядом со своим мужем, поражала взоры любопытных зрителей великоле- пием вычурного наряда, заимствованного по фасону у этрусков.

Все родные и гости также сели в колесницы или верхом на лошадей, покрытых дорогими персидскими и индийскими чепраками и попонами.

При ярком свете множества факелов это медленное, торжественное шествие свадебного поезда влюбленной четы представляло волшебную картину.

Глава III. Упорхнувшая птичка

После не очень долгого переезда процессия остановилась у городских ворот Коллации. Все участники свадебного поезда пошли пешком.

Музыканты играли, а певчие пели веселые гимны; молодые люди бешено скакали взад и вперед по сторонам тихо двигавшейся процессии, размахивая бичами и факелами, с восклицаниями:

– К Таласию!.. К Таласию!..

Когда Ромул из-за недостатка женщин в Риме велел похитить сабинянок для его сподвижников, то самую лучшую девушку отдали знатному Таласию; оттого и произошел обычай такого восклицания на свадьбах.

Так думали римляне в силу своих мифов и легендарных преданий, но в наш скептический век ученые полагают, будто на самом деле причина возникновения этого обычая не столь поэтична, а гораздо проще: слово «таласий» произошло в искаженной форме от «таламос» – греческая брачная комната, спальня.

Подведя невесту к двери своего дома, Луций Коллатин взял ее на руки и перенес через порог. Там встретил ее великий понтифик и поднес ей сосуд с маслом. Она помазала косяки двери.

В атриуме против пылающего очага были поставлены два стула, покрытые цельной шкурой быка, которого утром в этот день жених ходил приносить в жертву Юпитеру.

Луций и Лукреция сели на эту шкуру.

Простирая руки над их головами, жрец прочел молитву к Пикумну и Пилумну, покровителям брака, и некоторым другим богам.

Молодые встали. Луций надел жене обручальное кольцо на палец и повел ее к огню.

– Где ты, мой Кай, там и я, твоя Кая!.. – тихо сказала Лукреция слова брачной формулы и дотронулась до очага, а потом до кувшина с водой в знак того, что с этих пор она делит с мужем огонь и воду, находящиеся под кровлей его дома, то есть все его имущество, дела, общественное положение.

Они оба снова сели. Жрец с особой молитвой разломил маленькую освященную лепешку и дал им съесть ее половинки. Этим актом церемония бракосочетания кончилась.

Все поздравили счастливую чету и сели за пиршественный стол.

Такая форма брака называлась «конфареация», то есть обряд с мукой, лепешкой. Он был нерасторжим на всю жизнь. В ту эпоху у римлян других форм соединения благородные люди не употребляли. Контуберниум, или конкубинат, практиковался лишь при сожитии с отпущенницами из невольниц.

Нравы римского простонародья были еще так примитивно чисты и строги, что ни одна свободная девушка не пошла бы на сожитие с человеком не своего сословия.

Свадьбу Луция с Лукрецией праздновали три дня. В городе устроен по этому случаю был специально организован бой гладиаторов, в те времена составлявший забаву далеко не столь кровавую, как впоследствии, а также были устроены состязания благородной молодежи в метании диска, стрельбе в цель и верховой езде.

Тарквиний в сопровождении всех гостей поехал на охоту в горы. Там эта веселая компания ночевала под открытым небом, потому что погода была очаровательна.

Зверей и птиц убили немного, зато вдоволь насладились чудными горными видами, обедом в лесной глуши, купанием в холодной, чистой воде горного ручья.

Среди всеобщего веселья, шуток и смеха не было места никакой мрачной думе даже в головах эксцентричных особ, к сорту которых принадлежала Ютурна.

С самого своего детства, после казни отца, она не выезжала из Рима, постоянно находилась там, в чертоге Туллии.

Одни и те же роскошные комнаты; при них один и тот же тенистый сад; там и тут одни и те же угодливые слуги, надменные любимцы, шумливая молодежь. Все это в детстве удовлетворяло Ютурну, но по мере ее подрастания у нее все чаще и чаще стал возникать вопрос: «Что хорошего есть на земле еще, кроме всего этого великолепия расточительной семьи римского рекса?»

Она тоскливо глядела в даль и думала:

«Там необъятный мир, другие города, другие дворцы и храмы, другие народы... как там живут, в этом далеком, неведомом мире? Лучше ли он Рима или хуже? Отец мой был родом из Ариция, Луций – из Коллации, Тарквиний – из Клузиума в Этрурии. Что это за места?.. Ах, хоть бы где-нибудь побывать!..»

Ютурна томно вздыхала, напрасно силясь припомнить, как возили ее родители в детстве на свою виллу и к больному деду в один из мелких городков ближней Этрурии, где царь Сервий стоял тогда станом во время войны, но все это память рисовала ей лишь отрывками, из которых не составлялось никакой цельной картины.

Ютурну тянуло в этот неизвестный мир, в далекие поля и леса, на простор, на свободу.

Нелюдима девушка не имела подруги, ни с кем не делилась мыслями.

Свадебное шествие в парадных одеждах, поезд богатых колесниц вечером, при свете факелов и пении, по горам, лесам, ущельям представились Ютурне волшебным бредом.

Она наконец очутилась хоть и не очень далеко, но все-таки вне Рима, в лесах и горах, откуда этот надоевший ей город не виден.

Чувство блаженства наполнило ее сердце. Она особенно сильно наслаждалась во время охоты. Ее игривая фантазия развернулась со всей силой. Ютурна пускала стрелы, бегала, смело перепрыгивала ручьи и ямы, метала копье.

«Если бы можно мне было навсегда остаться в таком лесу дикой охотницей, как я была бы довольна моей судьбой!..» – думала она.

Картины далекого прошлого всплывали в ее памяти гораздо яснее, чем прежде, не затмеваемые обстановкой шумной жизни, столь резко непохожей на быт тихого детства Ютурны.

Ей вспоминался ее отец, которого она любила в детстве, – величественный, могучий силач, красивый, доблестный, горделивый, всеми уважаемый, – как он собирался, бывало, на охоту из деревенского дома их виллы или возвращался, нагрузив крючки, приделанные к древку копья, мелкой дичью, а свои широкие плечи – крупным зверьем.

И эта прежняя счастливая жизнь среди погибшей семьи встала в памяти девушки так ясно, отчетливо, точно отец манил Ютурну к себе, в свои ласковые объятия, чтоб взять на руки и унести с собою далеко от всего, что ей так сильно опротивело, – от всего этого шума, блеска, не дающего ей никакой радости.

При каком-то слове Туллии среди других разговоров о том, что ее муж слишком сильно увлекся охотой и пора бы собираться домой, сердце Ютурны заныло. Опять ее заставят жить в римском чертоге, роскошном и просторном, но все-таки бедном и тесном сравнительно с роскошью и простором необъятного лона природы!.. Опять ей велят прясть, шить, петь, играть не в то время, когда хочется, а потом...

О ужас!.. ее непременно отдадут замуж не так, как отдали Лукрецию, – не за того, кого она сама полюбит, а по приказу тиранки, даже, пожалуй, за какого-нибудь противного этруска, говорящего в нос да с пришепетыванием иностранного языка, в котором Ютурна ничего не понимает, и этот этруск увезет ее в свою холодную Тоскану, где зимой снег идет.

Всю последнюю ночь на охотничьей стоянке близ Коллации Ютурна не смыкала глаз; нелюдимо ходила она между молодежью утром, погруженная в странную новую думу.

Внезапно началась гроза со всеми ужасами таких явлений, свойственных горным местностям жаркого климата.

Кругом легла непроницаемая тьма от черной тучи, ветер и дождь гасили факелы. До жилища поселян, казалось, трудно было добраться – оно было близко, но на каждом шагу грозила опасность свалиться в болото или в пропасть, а еще сильнее можно было бояться падения деревьев и камней горной лавины.

Туллия не соглашалась ни ехать в Рим, ни вернуться в Коллацию, в своем расстроенном воображении преувеличивая и без того многочисленные опасности.

Слуги нашли для нее пещеру, усадили ее там с сыновьями на ковер и подушки.

Брут поместил Арету и еще несколько девушек в огромное дупло толстого дерева. Остальные участники этой забавы, в том числе Эмилий, Ютурна, Брут и сам Тарквиний Гордый, расположились как пришлось – под деревьями, выступами скалы или просто накрывшись кто чем мог. Некоторые забились под скамьи и опрокинутые ящики, подлезли под повозки.

Вдруг среди этой неожиданной кутерьмы в голове Ютурны возникло смелое желание бежать. Куда? Она не знала, но ее решение было непоколебимо. Она чувствовала и приятное и вместе с тем гнетущее влияние как бы чужой воли над нею, точно кто-то другой зовет ее, манит вдаль к себе, неизвестно куда и зачем.

«Иди, Ютурна, иди!..» – повторялось в ее уме, сердце, самой душе.

И девушке казалось, что это голос ее казненного отца, видящего из загробного мира свою дочь среди врагов. Отец не желает, чтобы она жила у Туллии, погубившей его, чтобы дышала одним воздухом с Тарквинием, утопившим его в болоте.

И Ютурна решила, что она убежит, куда зовет ее этот таинственный голос, неслышный ушам, но слишком громкий слуху души ее, – убежит, куда боги направят ее взор.

Ничему не учившись, Ютурна ничего достоверно не знала: ни направление стран света, ни местоположение городов, известных ей по названию, не было ей знакомо. Она слышала, что есть в лесу кабаны и волки, разбойники и привидения, силваны, сатиры, но также и благодетельные нимфы и дриады, спасающие от этих опасных жителей лесов.

Основные начала мифологии были знакомы Ютурне, и она твердо верила в покровительство богов и тени замученного отца.

Усердно помолившись, смелая девушка взвалила на плечи свой узел с дорогим нарядом и украшениями, данными Туллией, по своей наивности не задумавшись над тем, что все это ей не принадлежит, и, завернувшись плотнее в дорожный темный плащ, исчезла в темноте.

До самого рассвета шла Ютурна по лесу и горам в пустынных, диких местах тогда еще малонаселенных окрестностей Рима. Не заметив, как и когда обошла его, очутилась вместо севера к югу от этого огромного города, не повстречав ни человека, ни животного.

Ей казалось, будто она очень-очень далеко ушла, чуть ли не к самой огнедышащей горе Этне, о которой ей когда-то говорила в сказке про Полифема Одноглаза деревенская гадалка Диркея, любимая ею в детские годы.

Ничто ее не пугало. Она набрала ягод и съедобных трав, поела, переделась в богатое платье, бывшее у нее в узле, чтобы таким образом отпраздновать свое освобождение, а отчасти и потому, что оно осталось гораздо более сухим, нежели бывшее на ней во время ее долгого перехода под дождем, легла и сладко выпалась около развесистого дерева.

Надев все имевшиеся у нее драгоценности, Ютурна посмотрела на себя в «зеркало Нарцисса» – воды тихой речки, струившейся в этой глуши.

Свобода стала ей еще милее.

Взобравшись на дерево, она нашла гнездо, полное яиц крупной птицы, и съела их сырыми. Потом опять пошла.

Глава IV. Это твой рок!..

Лес кончился. Перед Ютурной раскинулась восхитительная картина безбрежного моря. Она никогда не видела моря. Оно ей показалось, каким кажется всем чутким к красотам природы людям, не видевшим его, – восхитительным выше всякого описания.

– Вот где настоящий простор!.. Вот где настоящая воля!.. – воскликнула она. – На этих голубых волнах, во владениях доброй Амфитриты.

И вдруг, точно эхо, как отголосок ее возгласа, из леса раздалось в ответ глухо и отрывисто:

– Ita! (Да!)

Девушка озиралась, но не видела никого. Но ей казалось, будто она не одна здесь, в этих незнакомых дебрях, будто с нею кто-то есть – незримый, добрый, хороший, защищающий ее от опасностей. Ей казалось, что это ее отец, невинно замученный страдалец, или кто-то, посланный им из загробного мира на помощь к его дочери.

Она опять стала любоваться морем, мечтать о его прелестях, какие рисовались мифологией в умах тогдашних людей.

«Там резвятся тритоны и наяды, плавая на огромных блестящих раковинах, впрягают в них дельфинов и лебедей, как люди коней в колесницы. Там на дне живут Нептун, Фетида, добрый старец Нерей с дочерьми nereидами в коралловых дворцах. Там настоящая воля, блаженство – в этих владениях Амфитриты...»

И опять, точно эхо, из леса ответил ей странный голос незримого:

– Ita!

Не обдумывая теперь своих поступков, Ютурна побежала к морю.

Вдали виднелся дымок от костра, разведенного, как Ютурне подумалось, рыбаками, потому что у берега находились лодки.

Ютурна прыгнула в одну из них и понеслась по морю.

Ветер быстро погнал челнок, управляемый сильной, но неумелой рукой.

Скоро берег скрылся от глаз бесстрашной искательницы приключений, началась качка. Ютурна не испугалась и тут. Ей думалось, что боги и тень отца непременно видят ее и хранят, а если она погибнет, это будет все-таки лучше, нежели возвратиться в Рим, в неволю.

Ее стало подташнивать. Она утомилась борьбой с волнами, бросила весла и неслась с волны на волну по прихоти ветра. Голова ее закружилась, она села на дно лодки и склонилась головой на сиденье.

Вдруг Ютурна почувствовала сильный толчок, потом другой, третий... В глазах ее потемнело, и она лишилась чувств.

День склонялся уже к вечеру, когда Ютурна очнулась. Под головой у нее была мягкая подушка, тело было плотно завернуто, а над нею...

Что это такое? Отчего так темно и душно?

Она подняла руку и ощупала доски.

Ютурна в гробу? Ее схоронили живую?

Нет, это не гроб.

Она стала припоминать все, происшедшее с нею. Тогда в щель ее «гроба» проник красный луч заходящего солнца, и при его помощи молодая девушка с трудом увидела перекадину. Это лодочное сиденье, она лежит под лодкой, опрокинувшейся на нее, когда волны выкинули ее через подводные камни на этот безлюдный, необитаемый берег.

Намокший плащ плотно спеленал тело Ютурны, как погребальная холстина, а узел, привязанный через плечо, попал ей под голову.

Сообразив все это, Ютурна вылезла из-под лодки и пошла по берегу.

Место было гористое и безлесное. Голые скалы, озаренные ярким пурпуром заката, грозно глядели на непрошеную посетительницу пустыни. Чайки и орлы вились над ее головой с пронзительным криком.

Ютурна пошла прочь от негостеприимного берега в горное ущелье. Ее мучил голод, но ничего съедобного она тут не нашла.

Наследовав смелый характер своего доблестного отца, дочь Турна Гердония не смутилась ни на миг и в дебрях незнакомой местности, куда занесли ее прихотливые волны. Решив, что утром боги непременно пошлют ей пищу, она откинула назад за плечи свои распустившиеся волосы, бросила смелый взор на неприветные, грозные скалы, как бы вызывая их на состязание с твердостью ее духа, и громко запела импровизацию:

Покинув жилище
Жестоких людей,
Я сбросила тяжесть
Несносных цепей.
Свободна, как легкий
Зефир полевой,
Бреду одиноко
Пустынной тропой.
Я юная дева,
Но девичий страх
Ютурне неведом...
Горят в небесах
Вечерние звезды,
Как очи богов.
Мне боги доставят
И пищу и кров.

В ответ на песню Ютурна услышала звуки, показавшиеся ей, как это было утром, отголоском ее собственного пения, но, прислушавшись, она убедилась, что это такая же импровизация, только голос незримого существа, отвечающего ей, слаб и неблагозвучен.

Из небольшого отверстия в горе, служащего входом в пещеру, заросшего или, вернее, нарочно закрытого посаженным тут диким кустарником орешины, выходил слабый свет. Оттуда неслась импровизация в ответ Ютурне.

Бесстрашную деву
Привел Аполлон.
Входи, не пугайся —
Твой жребий решен.
Здесь Феб светлокудрый
Незримо царит;
Здесь жить на свободе
Тебе он велит.

Ютурна увидела в пещере столетнюю старуху, которая, сидя у огня перед котлом, варила ужин.

Не размышляя о том, что это за особа, Ютурна смело раздвинула кусты и скрылась в пещере.

Осмотревшись в подземной зале, она с невыразимым удивлением стала узнавать одного за другим всех, кто там находился.

Прежде всего ей показался знакомым голос певшей сивиллы, знакомыми были и черты ее лица, вполне годные, чтобы эту женщину наивные простаки могли счесть за тысячелетнюю, неумирающую вещь подругу Аполлона, забывшую при прощении о долгожительстве выпросить себе неувядающую молодость.

Где Ютурна слышала эти дребезжащие, гнусавые завывания? Где видела этот крючкова-тый нос, провалившиеся глаза, сверкающие злостью из глубоких впадин, точно блуждающие огни из бездонных пропастей? Где видела это бледное, бескровное, восковое лицо, изрытое морщинами, точно огородными грядами?

Слышала и видела все это Ютурна в далекие, блаженные дни своего невозвратного детства, когда жила с родителями на вилле, где ей было так хорошо, привольно... Видала в лице тамошней деревенской колдуньи, служившей одному из римских жрецов, давно умершему.

– Стерилла! – тихо проговорила девушка.

Но старуха услышала возглас и ответила:

– Я давно ждала тебя, дочь Турна! Я знала, что ты придешь! Все обстоятельства твоей жизни говорили мне это: «придешь для мести за погибших родителей».

– Для мести, – повторила Ютурна, еще не вполне понимавшая подобные отношения людей.

– Это твой рок!..

– Мой рок?!..

– Гляди, дочь Турна, – эти люди все собрались сюда ко мне тоже для мести, только для одной мести. Они ею живут, ею дышат; их единственная отрада – надежда отомстить.

Мимолетно скользнув взглядом по лицам особ, бывших около котла с похлебкой, Ютурна смутно припоминала в них современников своего детства, еще не успевших сильно измениться за протекшие годы.

– Одной тебя у нас не доставало, – продолжала сивилла, помешивая похлебку, – мы ждали тебя, мы следили за тобой, и вот... Мы дождались... твой рок привел тебя. Мы живем и тут, и в Палатинской пещере Рима, и в Немусе у озера при жертвеннике Вирбия... везде или мы, или *наши*. Вот, дочь моя...

– Диркея! – договорила Ютурна, узнав когда-то любимую ею гадалку-сказочницу, ставшую полоумной от горя.

– Ей Туллия испортила жизнь, отняла ее счастье. Вот...

– Амальтея!.. – вскричала Ютурна и радостно заключила в объятия освободившуюся невольницу, служившую ее родителям.

Она узнала братьев Амальтеи, из которых старший, очень красивый собой, был одет в костюм Аполлона, а младший, невзрачный лицом, придурковато-веселый характером, имеющий фигуру из тех, что называют «кубарь» – толстый, приземистый, бойкий, говорливый, являлся козлоногим сатиром в длинношерстой шкуре, к которой не доставало ему теперь ненужной рогатой маски.

Сивилла стала подробно рассказывать об их страданиях, о причинах их удаления сюда, о вступлении в ряды агентов Дельфийского оракула, о причинах их ненависти к Тарквинию и его жене; стала объяснять их превращение в мифических персонажей, уверяя Ютурну, что для заурядных людей назначена одна вера, а для избранников, мудрецов, философов – другая. Это тот набор всевозможных софизмов-натяжек, какими тогдашние греки мирили возмущения совести религиозных людей со жреческими плутнями.

Не зная истинного Бога, не находя к Нему единственной бывшей тогда тропы, ветхозаветной Библии, люди блуждали душой в дебрях мифологии, искали Бога в искажениях сказа-

ний о Нем, пока эти дебри путаницы самых диких мечтаний не сплелись до совершенно непроходимой чащи.

Ютурна не слушала этих хитросплетенных поучений, она еще не в силах была усвоить такую мудреную науку.

Ее радовала возможность жить с людьми, издавна любимыми ею.

Амальтея шептала ей, что она при гаданиях представляет Диану, Венеру, Гебу – смотря по тому, какую богиню вызывают желающие, – а ее муж Виргиний изображает разных богов, преимущественно Юпитера и Марса, как человек энергичный, величавый.

Хромой муж Диркеи превращается в Гефеста-Вулкана, а дряхлый муж Стериллы вещает, как Амфиарай, Нестор, герой Троянской войны, Анхиз и другие, для олицетворения которых требуется фигура старческая.

Они не живут постоянно тут, а кочуют, странствуют по Италии, то все вместе, то по двое-трое, то в одиночестве, собирая несметную массу всевозможных приношений, деньгами и вещами, в неоскудевающем изобилии.

Ютурна не слушала и эти повествования, засмотревшись на лохматую фигуру медведя, стоявшего на двух ногах, опираясь на тяжеловесную дубину. На плечах у него была курчавая голова человека средних лет.

Ютурна узнала в богатыре своего давно пропавшего родственника, о котором был двоякий слух: будто он убит по приказу Тарквиния или спасся бегством в Самний, ко врагам Рима.

– Арпин! – воскликнула девушка в еще более радостном изумлении.

– Я жрец-олицетворитель могучего полудуха Инвы, сильвана, гения Рамнийских лесов, – заявил силач и заключил дочь Турна в богатырские объятия. – Мы следили за тобой везде, – говорил он, когда порыв обоюдной радости их миновал, – мы следили за тобою в виде поселян на охотничьей стоянке Тарквиния. Мы сбили на ложные следы посланных Туллеей в погоню. Мы были среди рыбаков на взморье, где ты взяла лодку. Мы плыли за тобой по морю, шли за тобой по берегу.

– Ты недалеко отошла, Ютурна, – прибавила Амальтея, – ты лишь попала от Коллаций в другой округ Ариция, где находится вилла, принадлежавшая твоему отцу, которой теперь, как и всем, завладел Тарквиний со своей гнусной женой.

Когда Ютурна вполне освоилась со своими очень давно не виданными друзьями, радость в ее сердце сменилась скорбью и страхом.

– Арпин, – говорила она, – решив бежать от Туллии, я не сообразила всех сторон моего поступка. Ведь там остался мой брат – тиранка со зла истерзает его.

– Юний Брут не даст истерзать сына Турна Гердония, – хладнокровно возразил пещерный медведь, любуясь красотой и умом своей выросшей родственницы.

Глава V. След потерян

Когда узнали об исчезновении Ютурны, в веселой компании произошел невообразимый переполох.

Туллия лишилась не только девушки, утешавшей ее пением, но и любимых драгоценностей, унесенных ею.

Приближенным было трудно решить, что огорчало тиранку сильнее, то или другое. Она металась как безумная, никто не смел подойти к ней с утешением. Даже Тарквиний струсил перед этим порывом ярости своей супруги, зная отлично, что в такие минуты она способна убить всякого, кто придется ей не по нраву.

Разразившись бешеными ругательствами, Туллия разогнала всех рабов в погоню за беглянкой, крича, что смерть в самых лютых муках ждет их, если они к вечеру не приведут Ютурну, а потом, обратив гневный взор на затрепетавшего Эмилия, как тигрица, бросилась к беззащитному юноше, избивала его и тоже послала вслед за рабами.

– Ты помог твоей сестре убежать! – кричала она в исступлений. – Ты ей внушил мысль украсть мой пояс и мою цепь, мою головную стрелу с сапфирами и серьги, ленту с алмазами... Ах!.. Их нет, их украла девчонка... Ты ее подучил, ненавистный!..

С пеной у рта злобная тиранка, проговорив все свои жалобы и ругательства без передышки, упала в обморок.

Тарквиний, еще не отрезвившийся после кутежа целой ночи, которым занимался ради защиты от холода и непогоды, ходил взад и вперед по луговине, ударяя себя кулаком в грудь, и приговаривал:

– Боги!.. боги!.. Вот напасть-то нам послана!.. За грехи... за грехи мои тяжкие.

Но больше у него ничего не выговаривалось и не шло на ум, что следует предпринять.

Арета тихо рыдала, прижавшись лицом к дереву, не вынося приступа гнева своей лютой мачехи.

Сопровождавшие их патриции совершенно лишились энергии, потупили взоры и безмолвно ждали, что будет дальше, а их жены и дочери, как и царевна, плакали.

Один Юний Брут сохранил присутствие духа. Он поднял упавшую тиранку, перенес в пещеру, уложил на оставленную там после ночлега постель и опустился подле нее на колени, терпеливо ожидая ее успокоения.

Припадок миновал. Туллия открыла глаза и принялась жаловаться, уже без ругательств, с тихими слезами.

– Юний... мой Говорящий Пес... ты один со мной... все там, поодаль... никто не жалеет меня. Мне тяжело, Юний... Ах, какое горе!..

– Немезида, – заговорил старик шутливо, – я их сам всех отогнал. На что тебе целая толпа болтунов? Они стали бы шуметь, а ты спала так сладко...

– Девчонка сведет меня в могилу... я расстроилась из-за нее.

– Сон подкрепил тебя, ты совсем не больна. Твой румянец горит подобно утренней заре.

При всем своем старании балагурить Брут невольно вздохнул, глядя на эту старую руину былой красоты. Он знал, что давным-давно румянец блеклой Туллии берется ею из косметических банок, как и чернота поседелых волос.

– Пес, ты все это врешь – я больна, – возразила Туллия и взяла за ухо старика, все еще стоявшего перед нею на коленях.

– Ты притворилась больной, – засмеялся он, – знаю я это... притворилась, чтобы сильнее жалели тебя... а ведь мне жаль тебя, Немезида!..

Туллия больно щипала ухо старика, сама этого не замечая, как человек, занявшись какой-нибудь мыслью, щиплет листья куста или свое платье. Кровь струилась по щеке Брута, но Гово-

рящий Пес покорно переносил мучение, лстиво глядя на тиранку. Ему было приятно, что она его мучит, потому что, истерзав его ухо, она не подвергнет этому кого-нибудь другого, излив гнев на любимца.

– Я велю их обезглавить, – шептала она, – мало этого, прежде обезглавливания велю расстрелять не до смерти... мало и этого... брошу в водопад... нет, лучше я их...

– Успеем мы с ними сделать все, что нам хочется! – перебил Брут перечисления мук. – Отправимся теперь отсюда лучше домой. Погляди, какие мрачные, голые скалы. Ложе под тобой жесткое, из мха и травы, как у преступника в тюрьме... Всех рабов, поваров и их помощников мы разогнали... Кто же нам тут станет стряпать? Лучше будет, если ты уедешь домой, сядешь за твой прелестный мраморный стол или, что еще лучше, ляжешь на мягкое, удобное ложе и велишь подать обед в спальню, съешь его лежа, как водится у греков. Поедем, моя Немезида, довольно нам тут мучиться!..

Брут знал, что перемена обстановки иногда переменяла мысли Туллии. Он надеялся также, что, охмеленная вином во время обеда она сделается доступна какому-нибудь развлечению и позабудет, по крайней мере хоть до завтра, о своей пропаже.

Выиграть время было очень важно. Ютурну могли найти и возвратить, когда первый порыв гнева тиранки минует, а если – о чем Брут не мог подумать без ужаса – она не будет найдена, то все-таки в эту ночь он, может быть, что-нибудь успеет придумать если не для спасения, то хоть для облегчения участи посланных на поиски.

– Они могут не возвратиться до самой ночи, – продолжал он, – а в этих горах, ты знаешь, что бывает в полночный час.

– Ах, не говори! – воскликнула Туллия, спрятав лицо в подушку. – Ты прав: скорее домой! Дух Турна бродит здесь. Прочь!.. Прочь подальше отсюда! Вели собираться!..

Оставив лишние колесницы и пожитки под охраной нескольких особ, тиранка уехала в Рим и, как говорил ей Брут, плотно пообедала, напилась и уснула.

Оставшись один, Брут придумал, что ему делать. Он долго тоскливо бродил по огромным комнатам чертогов, недавно заново отделанных совершенно на этрусский лад. Мрачны были мысли старого эксцентрика, прозванного Говорящим Псом...

«Это ли римский дом? – думал Брут, оглядывая расписные стены, вазы, драпировки. – В таких ли жилищах обитали Ромул, Нума, Тулл Гостилий, Сервий – мудрые цари, положившие фундамент римской славы, римского могущества?!»

Человек простой, выросший при совершенно других традициях невозвратной старины, Брут не понимал культурности, прогресса, народного развития. Ему казалось непреложной аксиомой, что все, однажды признанное за хорошее, будет хорошим всегда. Он не понимал смены аксессуаров цивилизации, не допускал возможности для чего бы то ни было хорошего «отжить», стать непригодным, не разделял великого, важного, главного – от пустяков, добавочных установлений, государственных принципов – от домашнего скарба, обихода, государственных дел – от личных счетов и домашних дрызг семьи правителей.

Тарквиний был жесток. Это признавали все. Но Брут игнорировал и его хорошие стороны – Тарквиний очень удачно вел войны, а расточал казну меньше, чем обогащал ее. При нем Рим окреп, железная рука этого человека сплотила воедино всю рознь народной жизни.

Этого Брут не понимал и презирал Тарквиния только вследствие того, что тот жил по-этрусски – в цивилизованной обстановке, величественной и роскошной.

Причины, побудившие Ютурну бежать, были, напротив, ясны для него. Только он не решил еще, о чем ему теперь молить богов: о ее возвращении или о бесполезности поисков?

Ютурна могла быть растерзана в горах волками, попасть к разбойникам, быть проданной в рабство, но разве в Риме ей было лучше? Разве ее не терзали тут дикие звери в образе людей? Разве не обращались с ней как с невольницей? Что ждет ее, если она возвратится? А если нет, то сына Турна ждет казнь.

Мало-помалу путем размышлений Брут решил, что надо выбрать средний путь, то есть после возвращения беглянки не сразу возвестить о ее прибытии, а в случае неудачи поисков не отнимать у Туллии всякую надежду.

Он добыл от одного знакомого ему купца все, что нужно для этой цели, и стал терпеливо ждать вечера.

Глава VI. Жив или нет?

Поскакав разыскивать сестру, Эмилий предположил, что она, может быть, укрылась в доме новобрачной Лукреции; что она не сбежала, а только без спроса возвратилась в Коллацию, забыв что-нибудь там и боясь вернуться в Рим без этой вещи.

Дорогой такая мысль превратилась в полное убеждение, и молодой человек спокойно остановил свою лошадь у дома Луция.

Было обеденное время. Семья сидела за обедом, приготовленным под надзором новобрачной. Там находился престарелый отец Луция, Эгерий, и сестра Фульвия, скромная девочка четырнадцати лет, что, впрочем, для тогдашней итальянки считалось уже возрастом почти невесты.

– Кто может теперь посетить нас? – промолвил старик, услышав, как лошадь Эмилия остановилась у крыльца.

Все с недоумением оглянулись на входную дверь.

– Здравствуйте! – сказал Эмилий, вступая в атриум.

– Прошу не побрезговать обедом, – обратился к нему Эгерий, – садись, молодой человек!.. Ты всегда желанный гость в моем доме в память отца твоего.

– Ты желанный гость для меня и помимо отца, которого я не знал, – продолжил Луций, – но все-таки гость неожиданный. Она здесь что-нибудь позабыла, моя тетка, и прислала тебя?

– Где моя сестра? – спросил Эмилий, оглядывая комнату.

– Твоя сестра? – повторили вопрос все присутствующие.

– Да... где же Ютурна?

– Она с вами уехала.

– Она не здесь?

– Зачем же ей здесь быть?

– Ее нет!.. – вскрикнул Эмилий, почти упал на скамью и опустил голову на стол.

Несколько времени длилось томительное молчанье. Все глядели на сироту, недоумевая, что такое случилось с ним и его сестрой. Наконец Луций ласково тронул его за плечо, позвав:

– Эмилий!..

– Казнь! – глухо простонал юноша.

– Какая казнь? Кому? Скажи, что за новая беда случилась? – раздалось со всех сторон.

– Кому казнь... мне!.. Сестра похитила все драгоценности, данные ей Туллеей для пира, и бежала.

Луций, Эгерий и Лукреция стали расспрашивать о подробностях происшествия, а Фульвия, никогда не ездившая в Рим и поэтому не знакомая с Эмилием, отошла в сторону.

Эта сцена отчаяния юноши глубоко потрясла ее доброе сердце.

«Он так молод, – думалось ей, – и уже так много испытал горя!.. Смерть ждет его в этот же вечер, и никак нельзя спасти его».

Фульвия украдкой заплакала, но Лукреция заметила это и подошла к ней.

– Сестрица, миленькая, ты плачешь!.. – ласково отнеслась она к золовке, как к полурбенку.

– Мне его очень жаль, – простодушно ответила девочка.

– Такова судьба, милая! Жить не всем хорошо, как тебе здесь. Успокойся, помолись!..

– Да-да, Лукреция, я целый день стану молиться.

– Прощайте! – сказал Эмилий, встав со скамьи. – Поеду в горы, а оттуда на верную смерть.

Луций обнял товарища детских игр и проводил к крыльцу до лошади, а потом, не захотев закончить обед, ушел в свои поля, расстроенный бедой друга.

Горевал и старый Эгерий, сидя на крыльце, выходящем в сад, где у него было нечто вроде плохой, примитивной террасы с его заветным, стародавним креслом, сквозь порыжелую кожу подушки которого торчала набивка из овечьей шерсти – излюбленный материал итальянцев для всякого рода мягких вещей.

Эгерий невольно вспоминал свое былое знакомство с погибшим Турном Гердонием ввиду беды детей его, невольно задавался вопросом, останется ли Эмилий жив или нет.

После заката солнца все посланные в погоню возвратились с известием, что всякий след пропавшей девушки потерян.

Туллия, услышав конский топот. Послала Брута навстречу к искавшим Ютурну, чтобы он скорее узнал вести от них.

Старик, подбежав к своему невольнику, отдал ему сверток с чем-то грязным, шепнув:

– Виндиций, это тобой найдено в горах.

Печально и робко, как на верную смерть, вошли рабы и Эмилий на верхний этаж дома.

– Добрые вести!.. Добрые вести!.. – кричал Брут, взбежав прежде всех на лестницу.

Лицо тиранки просияло.

Потупив взоры, вошли в ее комнату несчастные люди и молча стали рядом, ожидая, каков будет ее приговор им.

– Ты кричал «добрые вести», а они не говорят ничего и ее с ними нет, – молвила Туллия с недоумением.

– Мы готовы к казни, – тихо проговорил Эмилий.

– И неужели никаких следов?!

– Ее след потерян.

– Ты лжешь! – вскричал Брут, подходя к Эмилию с угрожающими жестами, как бы намереваясь ударить. – Мальчишка, благодари бессмертных богов за то, что они к тебе благосклонны!..

Затем он обратился к Туллии.

– И Ютурну, и все твои украшения скоро найдут, успокойся, богиня-мстительница!.. Мой раб нашел след бежавшей.

Виндиций, бывший единственным слугой Брута, исполнявший много раз его поручения разного замысловатого сорта, подошел и, отдав Туллии сверток, полученный от господина, сказал:

– Я это нашел в горах.

Сверток состоял из обрывка дорогой пурпурной материи, двух маленьких жемчужин и зеленого ремешка от сандалии. Все это было замарано грязью.

Туллия не усомнилась признать в этих остатках часть туалета Ютурны и улыбнулась, повеселела.

Брут торжествовал.

Он дал знак, чтобы все удалились, пока не поднялась новая буря гнева тиранки, придирка к чему-нибудь другому, помимо бегства Ютурны.

Оставшись с ней наедине, Брут принялся хвалить одного своего знакомого. Это богатый купец, ведущий торговлю с другими городами, способный разыскать пропавшие драгоценности и саму Ютурну.

Относительно Эмилия Брут выразил мнение, что гораздо приличнее казнить его вместе с сестрой или назначить срок, по истечении которого он будет казнен.

Между такими речами хитрый старик упомянул будто вскользь, что его знакомый купец недавно получил несколько украшений самого странного, до сих пор в Риме не виданного рисунка.

Жадная до всякой новизны, Туллия велела тотчас позвать купца и целый вечер занималась с ним, рассматривая и выбирая из его товаров себе обновки взамен пропавших вещей и позабыв на время Ютурну.

Глава VII. «Ах, ведь я его люблю!..»

Закончив дневную работу, все прибрав в доме при помощи двух рабынь, Лукреция и Фульвия в сумерках подсели на террасе к старику.

Фульвия стала расспрашивать и отца и невестку о юноше, попавшем в беду. Кто он? Давно ли они и Луций знают его? Как с ним обходилась Туллия прежде?

Эгерий рассказывал дочери про Турна, как они один у другого бывали в гостях, хоть до тесного приятельства и не сближались, рассказывал о причинах его гибели, как он поручил опеку над своими детьми Бруту. Эгерий только не знал, какие отношения были у Говорящего Пса с ограбленными сиротами.

Этот разговор расстроил Фульвию до такой степени, что она всю ночь видела во сне Эмилия: то она его прятала от палачей в какой-то шкаф, который отчего-то никак не хотел затвориться, то уговаривала бежать, а он медлил под разными пустыми предложениями и терял время, чтобы спастись, то видела, что его ведут на казнь к ужасному оврагу, где погиб его отец.

Она почувствовала, что несчастный юноша стал ей дорог по какой-то невыразимой симпатии, зародившейся с этих пор в ее молодом, доселе спокойным сердце.

Слабый свет утренний зари уже проникал в маленькое окошко спальни, когда Фульвия очнулась от мучительных грез.

Первым ее ощущением была благодарность судьбе за то, что все виденные ею ужасы были только сном, второе – тоскливым осознанием, что Эмилий действительно в опасности и все, виденное во сне, может сбыться наяву.

– А я не спасу его, не спасу! – воскликнула она, чувствуя впервые такой порыв безотрадного горя, что, казалось, ее сердце готово разорваться.

Молодая девушка с неудержимыми рыданиями скрыла лицо в подушке.

– О, как он мне дорог, этот несчастный человек! Его последний взгляд, полный тоски, никогда не изгладится из моей памяти. Если бы я могла, я спасла бы его, скрыла бы, все отдала бы за его спасение. Эмилий!.. Эмилий!.. Что с ним теперь сделают?.. Ах, ведь я его люблю!..

И это новое открытие заставило девушку зардеться ярким румянцем.

Ее первым вопросом при встрече с отцом и братом в атриуме за завтраком был вопрос о судьбе Эмилия: нет ли вестей о нем?

Вестей не было.

Фульвия целый день мучилась этою неизвестностью. Жив он или нет? Неужели она больше никогда не увидит его? Неужели никогда не скажет ему ни слова в утешение?

Фульвия мучилась и на второй день, на третий... Долго-долго страдала она, пока наконец не явилась весть: он жив.

Но не радостна была эта весть сердцу девушки, взволнованной первой любовью. Эмилий томился в темном, сыром подземелье тюрьмы Туллианы.

Глава VIII. Римская тюрьма

Казнить фиктивно, то есть выполнить приговор над изображением человека – манекеном, маской, портретом, доской с написанным на ней именем осужденного, – у римлян той эпохи можно было по желанию властелина, но сама особа человека еще не подлежала его произволу, а лишь той форме обращения с ним, какую предписывал закон по его общественному положению.

Казнь Турна Гердония в ее зверской форме состоялась в провинции латинского союза, но в Риме это было бы невозможно, ибо там закон ставил всему свои пределы. Раба нельзя было в Риме ни обезглавить, ни заточить в Туллиану, так как это были формы кары для знати, а знатного человека, особенно сенатора или жреца, ни распять, ни зашить в мешок для утопления, ни всенародно повесить было немыслимо.

Лютые формы казни – сожжение, обваривание – у римлян этих ранних времен совершенно не производились ни над кем, даже над невольниками тиранов, как неизвестные до их занесения впоследствии из Галлии и Сирии, где огонь был любимым элементом в культе и судебных карах, что было тоже римлянам чуждо.

Мрачный, но в то же время и материально-практический ум римлян любил все соединять, так сказать, в два-три дела, заставляя служить при ненадобности для одного на потребу другому, пока не окажется нужным для третьего дела тот же предмет.

Уже очень давно, еще во времена царя Анка Марция, они выкопали в Капитолии глубочайшую и огромнейшую яму, выложили ее дно и стены туфом, вымазали цементом, сделали над нею потолок сводом особенной тогдашней кладки из выступающих один над другим камней, подобный усеченному конусу.

Эта яма назначалась служить цистерной для воды. Ее туда можно было напускать сверху в окно свода и выпускать снизу в герметически замыкаемую дверь.

Из-за непроницаемости для солнца и теплого ветра в яме было так холодно, что вода могла долго не портиться.

Эта цистерна назначалась для Капитолия, римской крепости, на случай вражеской осады, чтобы защитники и укрывшиеся туда граждане не терпели жажды, если неприятели сумеют отвести воду из акведука.

Годы шли, но враг не нападал, а напротив, даже крупные, грозные итальянские племена самнитов, вольсков и других старались уклоняться от войн с народом Ромула или терпели поражения, даже близко не подпускаемые к Риму.

Цистерна стала не нужна, так как о самой возможности осады Рима в народе была оставлена мысль.

Царь Сервий Туллий додумался превратить эту яму в тюрьму еще в первые годы своего долгого правления, оттого-то она и была названа Туллианум.

Около нее шла лестница для подъема на высоты Капитолия.

Само имя Туллий на древнелатинском языке значило «источник», что совпадало и с фамильным именем тогдашнего царя. Поэтому некоторые думают, будто яма была приспособлена для тюрьмы раньше, еще до Сервия, и названа не по имени приспособившего, а просто вследствие ее первичного назначения служить источником – цистерной для воды в дни осады города.

Сервий построил над резервуаром цистерны обыкновенное здание для тюрьмы с камерами общими и одиночными, разных величин, имевшими окна.

Эта тюрьма, находившаяся вблизи древней и тогда уже давно оставленной каменоломни, стала называться Лаутумия, – от греческого слова «латомия» (litos – камень и temno – ломать).

Капитолийскую лестницу, ведущую к тюрьме, народ прозвал «gradus gemitōri» – «ступени стонов».

Туллия служила местом таких казней, которые не могли происходить всенародно, на площади, на Тарпейской скале или ином открытом месте.

Женщин тогда всех без исключения казнили тайно. Избавляли от публичного позора также лиц привилегированных – их душили дома, среди семьи, или без огласки отводили в тюрьму и там опускали в осушенный резервуар сквозь окно его свода на голодную смерть – умирать без наложения рук, если осужденный был так знатен, что казалось невозможным бить его топором или давить веревкой.

Юний Брут заметил, что Туллия не столь сильно гневается на Ютурну за бегство, как за похищение ее драгоценностей.

Купец напрасно дал знать всем своим знакомым ювелирам о пропаже украшений, на случай, не будет ли кто-нибудь продавать похищенное; напрасно было также дано описание наружности убежавшей девушки на многие невольничьи рынки. Все было тщетно – ни малейшего следа Ютурны никто не нашел.

Жестокая Туллия стала сильно тосковать. Каждая вещь, унесенная Ютурной, казалась ей дороже всех оставшихся в ее объемистом сундуке с украшений, которые она любила навешивать на свою блеклую фигуру.

Извращенное ненормальной жизнью воображение ее сочинило и приурочило к этим вещам всевозможные воспоминания минувшей юности – сладостные, милые, священные.

– Хоть бы что-нибудь нашлось! – вздыхала злодейка.

Брут радовался, что ее мысли приняли такой оборот.

Неминуемая казнь, грозившая немедленно десятку рабов и Эмилию, отсрочена на два месяца.

В это время Брут случайно вспомнил, что он видел в косе Ареты точно такую же стрелу, которая украшала волосы Ютурны на свадебном пире в Коллации.

Он сообщил свой план Спурию, отцу Лукреции. Богатый полководец с величайшей готовностью пожертвовал нужные деньги, чтобы отвести хоть на время опасность от сына их общего погибшего друга.

Брут, личность загадочная для целого Рима, давно был гораздо более понят благородным Спурием, потому что ему одному доверял все свои тайны. Эти два римлянина любили друг друга всю жизнь с молодых лет. Теперь, когда тирания черной тучей тяготела над Римом, Спурий не осуждал Брута за его чудачества, зная, что это одно может служить защитой его другу, в котором он уже предвидел обновителя-реформатора всего строя римской жизни.

На одном из частых веселых пиров Арета опять имела ту самую стрелу на голове. Брут попросил дать ее ему на короткое время и показал купцу, который тут же снял отпечаток на мягкую глину и срисовал общий вид этого женского украшения.

Все было сделано так быстро, что не возбудило ничьего подозрения. Никто не заметил этого.

Через несколько дней пришел рыбак с найденной на берегу моря стрелой. Драгоценное украшение не имело двух выпавших камней, было надломлено, как будто попало под колесо, и перепутано морской травой.

Туллия легко поверила и этому ловкому обману. Она повеселела, а Брут продолжал уверять ее, что скоро будет найдено все остальное, и убедил послать кого-нибудь с вопросом о Ютурне и пропавших украшениях к дельфийскому оракулу.

Через минуту он горько раскаялся в своем промахе – этом внушении, но было уже поздно.

Тиранка и прежде любила вопрошать оракула, ответам которого слепо верила, игнорируя и не допуская к себе больше никаких колдунов и гадалок, потому что считала их обманщиками и отчасти боялась покушений на ее жизнь колдовской порчей.

Хитрые жрецы храма Аполлона, находившегося в Греции, у подошвы горы Парнас, получая богатые дары от Тарквиния Гордого и его жены, льстили им, поощряя все их безумные затеи и жестокость.

С удовольствием приняв совет любимца, Туллия к двум вопросам прибавила третий: какая казнь будет самой жестокой для Эмилия, брата бежавшей виновницы ее тоски? Этого Брут не предвидел и внутренне ужаснулся своей оплошности, но поправить дело было невозможно.

Тиранка ничего не любила откладывать – через час ее посланный уже скакал в гавань, чтобы отплыть в Грецию.

Глава IX. Мифы о загробном мире

Эмилий томился в Лаутумии уже больше двух месяцев, с самого дня таинственного исчезновения его сестры.

Казнь несчастного юноши была еще раз отсрочена до ответа оракула.

По свету, проникавшему в небольшое окошко тюрьмы, выходившее на двор, заваленный кирпичами, дровами и другим материалом казенных складов при укреплениях Капитолия, заключенный едва мог видеть перемены дня и ночи. Для него полный мрак сменялся только короткими сумерками в самое светлое время дня. Он никого не видел, кроме угрюмого солдата из этрусских наемников, безмолвно подававшего ему ежедневно сухари и воду сквозь толстые решетки окна.

Редко доходила к нему людская речь, но и несколько слов, произносимых приходившими к его окну рабочими, служили узнику развлечением.

Ему нельзя было их видеть, потому что окно было сделано настолько высоко от пола, что он едва мог доставать из протянутой к нему руки тюремщика пищу.

Он потерял счет времени, не знал продолжительности своего заточения, а грустные мысли о сестре и собственной участи отгоняли от него сон. Невкусная пища вызывала отвращение, расстраивала здоровье.

Однажды в какой-то, очевидно праздничный, день каменщики, чинившие ограду Лаутумии, выбрали для своей неприхотливой пирушки место у окна тюрьмы, потому что правила внешних отношений к таким зданиям тогда были совсем не строги. Римляне даже не считали тюрьму местом наказания, а лишь местом сбережения людей, назначенных для суда, чтобы они не убежали, что было трудно – способы выпиливания решеток и прочее тогдашним бесхитростным людям были совершенно неизвестны.

Лежа на гнилой, отсыревшей соломе, узник жадно слушал разговор, несмотря на то что содержание его было далеко не веселое.

– А что, дед, когда кого-нибудь казнят из тех, что сидят вон там, в подземных норах-то, точно крысы, каково ему будет на том свете? – спрашивал голос мальчика.

– Плохо, Теренций, – отвечал старик. – Души казнённых, как я слышал, никогда не попадают в Аид.

– Тем лучше, дед, их там не мучают.

– Дурак ты, малый, вот что!.. Души казнённых, брошенных без погребения в яму или овраг, не успокаиваются. Когда душа выходит из тела, она уже не может быть в нашем мире, а в подземный ее не принимают, потому что ей нечем за перевоз заплатить. Ох, денежки!.. Они даже после смерти нужны.

– За какой же перевоз надо платить?

– Только такие малые ребята, как ты, внук, могут об этом спрашивать! За какой перевоз? Адский перевозчик Харон через Стикс, пограничную реку, на тот свет даром тоже не повезет, как и наши рыбаки за Тибр или Неморенское озеро. Ты, видно, ничего, малый не смыслишь.

– Да откуда же мне все это знать? Целый день на работе, а дома поесть и выспаться рад – не до сказок нам.

– То-то не до сказок!.. Поэтому слушай, что старые люди рассказывают. Как только покойника положат на костер или в могилу, то ему в рот кладут монетку – медный асс или серебряный динарий, сколько родные хотят... Богачи рады бы целый золотой талант за скулы запихнуть, только, на их досаду, он во рту не уместится. Когда тело сгорит или в могиле сгниет после напутствия молитвами и жертвами, душа берет монетку и отправляется с нею на перевоз по какой дороге ей ближе. От нас, из Италии, самая близкая дорога на тот свет проложена через Кумский грот, где живет сивилла – та волшебница, что несколько раз к царю приходила.

Придет душа в подземное царство и ждет на берегу Стикса вместе с другими, пока их много не накопится. Тогда Харон соберет со всех плату и перевозит, а казненному запрещено в рот деньги класть – заплатить-то ему и нечем. Бьется, бьется, просится, кланяется, да так и остается бродить по свету, пугать по ночам живых.

– Всегда и бродит?

– Нет, малый, не всегда! Подземные боги милостивы – через сто лет такую измаявшуюся душу берут в лодку и перевозят даром.

– А если человек не казнен, а убит и тоже сгнил без погребения, что бывает с его душой?

– Если убит разбойниками, зверями, молнией, сгорел, утонул, тоже бродит вредоносным ларом по земле сто лет, но души павших в битве за отечество не бродят и не плывут за Стикс, а возносятся на небо, к богам света, и, получив себе хвалу, летят на острова блаженных далеко в море, за Геркулесовы Столбы – туда, где солнце кончает дневной путь и въезжает на ночь в свое царство. Так что герой – одно дело, а казненный – другое.

Каменщики ушли, покинув Эмилия в еще более грустном настроении.

Болезнь истощила его крепкие силы. Он походил на живой скелет, но тюремное заточение укрепило энергию его духа, потому что здесь он много думал о своем отце и решил в день казни подражать ему твердостью.

Разговор ушедших каменщиков занял его мысли вопросами о загробной участи душ. В этих мыслях всплыло все, что молодой человек прежде вовсе не замечал среди суетливой, разнообразной, хоть и далеко для него лично невеселой жизни, в семье Тарквиния.

Эмилий теперь заметил резкое противоречие сказаний мифологии о загробной участи героев – вспомнил, что Гомер говорит об этом другое.

И молодой узник запел о свидании Одиссея с мертвецами:

Там, где киммериан
Печальная область
Окутана вечно
В туман непроглядный,
Где Гелиос людям
Свой лик лучезарный
Отнюдь не являет, —
Не всходит на небо, —
А ночь без отрады
В обилии звездном
Томит всех живущих...

Составившие это сказание греки времен Гомера еще очень плохо знали места земли, далекие от них. Они называли «печальной областью киммериан» вообще все, что в Европе находится севернее Тавриды (Крыма). Киммериане, кимры или кимвры были предками германцев, двигавшихся постепенно с востока на запад через Россию и Пруссию, где нам осталось от них этнографическое воспоминание в названиях местностей (Кимры около Твери и Кеммерн около Берлина).

Древние греки, плававшие вокруг всей Европы в Пруссию за янтарем, а также пробиравшиеся туда и дальше на север по некоторым рекам, вследствие привычки к дивному, теплему климату с ярким солнцем естественно считали суровые области киммериан похожими на преисподнюю.

При Тарквинии Гордом их сведения были такими же.

Там близ Одиссея

Безжизненным роем
Зареяли тени знакомцев, героев,
Товарищей битвы, и жен благородных.
Утратив сознание, забыв все бывшее,
Они не узнали пришельца в Аиде,
Пока не вкусили от жертвенной крови.
Тогда с увлечением
Обнять захотел он
Дух матери мертвой;
Три раза к ней руки
Простер он и трижды
Она проскользнула, как призрак в дремоте,
Вот участь всех мертвых,
Расставшихся с жизнью!
Им крепкие жилы уже не связуют
Ни мышцы, ни кости; огонь погребальный
В них все истребляет
Пронзительной силой;
Покинувши тело, душа исчезает.
Вот тень Ахиллеса...
Улисс удивлялся, как тот величаво
Царит в преисподней над мертвыми мертвый,
Но тень отвечала со вздохом глубоким:
– О, лучше хотел бы живой, как поденщик,
Я в поле работать,
Свой хлеб добывая, слугою беднейших
Людей деревенских,
Чем тут у бездушных
Царем быть, сам мертвый...

– Где же острова блаженных?! – воскликнул Эмилий, допев.

Ему вспомнилось, что греки, не зная, как сопоставить эти два противоречивых сказания, учат, будто у людей душа делится после смерти на тень и дух, но это вело тоже к путанице неразрешимых вопросов, особенно тягостных для головы человека еще юного, не освоившегося с недоговорками разных загадок житейской и научной премудрости, какой тогда уж начинала изобиловать религия, затуманенная всевозможными прибавками поэтов, драматургов, жрецов и сказочников, хоть еще и не столь сильно, как было в конце ее господства.

Эмилию невольно вспомнилось, что боги даже собственных сыновей, рожденных от смертных женщин, не имели могущества избавить от печальной участи тоскливого и бесцельного существования в Аиде.

Глава X. Ответ оракула

Дверь тюрьмы отворилась, и вошел Брут в сопровождении воинов.

Сумрачно было теперь лицо этого человека. В его выражении не проявлялось ничего эксцентричного. Это был мудрый философ.

– Сын Турна, мужайся!.. Твой смертный час настал, – сказал он заключенному, пытливо всматриваясь в его лицо.

– Благодарю тебя, Говорящий Пес тиранки, за все, что я вытерпел! – ответил Эмилий. – Ты измучил мое тело, но укрепил дух. Теперь я не таков, каким был до заточения. Скажи, что ждет меня?

– Не знаю.

– Я готов на все, веди без лишних слов.

Старик закрыл лицо своей тогой, чтоб воины не видели его слез, и прошептал:

– Я не мог спасти тебя... Тень твоего отца отныне будет преследовать меня за это. Прости меня!..

Эмилий не отвечал, приняв за фальшь и насмешку слова Брута.

Туллия ждала осужденного, окруженная знатными людьми Рима. Подле нее находились ее злые, развращенные сыновья и грустная падчерица Арета, не смеявшая плакать.

Со злорадным торжеством встретила тиранка свою жертву. Несколько времени длилось молчание, пока Туллия любовалась изнурением юноши до произнесения приговора, как любитесь зверь добычей, прежде чем начнет терзать ее.

Римляне уже привыкли к такого рода зрелищам, но теперь всеобщий ужас был усилен тем обстоятельством, что выбор рода казни должен был решиться словами дельфийского оракула, как будто казнит не Туллия, а сам Аполлон.

Наконец тиранка засмеялась. Ее хохот ужасно прозвучал в мертвой тишине, хранимой всеми присутствующими.

– Сейчас принесут ответ оракула, – сказала она, – и выбор рода казни будет решен!

Эмилий взглянул на Арету, она – на него. Их взгляды встретились, и молодые люди без слов поняли друг друга. Этот немой взгляд сказал им обоим то, чего они до сих пор не решались открыть взаимно словом, в этом немом взгляде выразилось их красноречивое признание в первой любви.

Его молодое сердце уже давно любило и знало о взаимности, несмотря на то что он еще ни разу не осмелился заговорить о своем чувстве с любимой девушкой. Он не мог показаться трусом в присутствии своей милой, не хотел дать наслаждения своим унижением тиранке, поэтому бодрился, насколько было в силах.

Робость его окончательно исчезла, сменившись отвагой отчаяния, как это бывает с человеком, для которого вся надежда потеряна и спасения нет.

«Тебе жаль меня?» – спрашивал печальный взор Эмилия.

«Очень!..» – отвечали ему грустные глазки Ареты.

Сколько взаимной любви выразилось в этом взгляде – любви, о которой они не смели ни разу поговорить!..

Вестник пришел и подал тиранке свиток из кожи.

Осмотрев священную печать оракула для удостоверения в подлинности принесенного, Туллия отдала свиток старшему сыну.

– «При... при... приз... ва...» – начал было читать Секст, не совсем искусный в греческой грамоте, почти по складам пробегаая вперед глазами написанное, но его руки задрожали, а губы скривились в гримасу от гнева. – Я не стану читать этого!.. – вскричал он, топнув ногой.

Брут взял у него чуть не брошенный свиток и чрезвычайно удивился ответу Аполлона. Оракул отвечал Туллии на все ее вопросы так:

I

– Где Ютурна, дочь Турна Гердония?

Призвавши Ютурну
На берег морской,
Сокрыл Феб надолго
Под темной землей.

II

– Где пропавшие драгоценности?

Пропавшего боги
Назад не вернут,
А Туллии скоро
Другое пришлют.

Повязка на кудрях
Венеры лежит,
А пояс на мудрой
Палладе блесит;

Диана гуляет
В серьгах по лесам,
Рядится Аврора
В жемчуг по утрам.

III

– Какая казнь всех приличнее для брата Ютурны?

Гердония сыну
Не мсти за сестру!..
Эмилия гибель
Не будет к добру.

Пропавшей девицы
Совсем не ищи;
Ее появления
Страшись, трепещи!..

Ютурна вернется
На гибель тебе.
Страшись!.. Так угодно
Всесильной Судьбе.

– Что говорит Аполлон?! – вскричала Туллия в ужасе. – Что он предвещает?! Он прежде никогда не присылал мне таких ответов.

– Воля богов священна, – тихо отозвался Брут, отдавая ей свиток, – но эти слова вовсе не столь ужасны, как они представляются с первого взгляда. Твои драгоценности, верно, нашел какой-нибудь набожный человек и роздал по храмам, для украшения статуй богинь. Ютурна скрыта Аполлоном – это, по моему мнению, значит, что она умерла, скрылась под землю, сраженная стрелой бога смерти. Оракул без всякой двусмысленности запрещает искать Ютурну, потому что ее тень может повредить тебе, накликаемая в наши места. Запрещает он и казнить ее брата, чтоб не раздражать дух вредоносной покойницы. Не нам, грозная Немезида, проникать в сущность таинственных повелений богов!..

Не дожидаясь ответа на эти разъяснения от пораженной тиранки, Брут торопливо обратился к Эмилию.

– На этот раз боги тебя милуют! Хвали их и благодари могучую Туллию!..

Эмилий не сделал ни того ни другого. Ему было не до молитвы или лести, он и Арета снова переглянулись, теперь уже радостно, как бы говоря:

«Ты рада моему спасению?»

«Я блаженствую!»

Брут недоумевал, почему оракул защитил Эмилия. Не разрешив этого вопроса, он тем не менее был очень счастлив сознанием, что юноша, сын его друга, спасся от казни.

Глава XI. Он любит другую!..

Был жаркий осенний день. Лукреция и Фульвия, усевшись под тенистым деревом в своем садике, работали. Лукреция пряла, а Фульвия вышивала разноцветной шерстью кайму к своей новой тунике.

Эти две молодые особы, равно прекрасные и добродетельные, составляли, однако, резкий контраст между собой и наружностью, и характером.

Высокая, стройная, полная и румяная, Лукреция походила на тот идеал, который художники Греции изображали в статуях Юноны, супруги Юпитера.

Ея уподоблением служили Вечерняя звезда, пышная летняя роза, громко поющий соловей в кустах пахучего жасмина, широкая сверкающая алмазами струя горного водопада.

Таково было впечатление, производимое наружностью и осанкой этой величественной римлянки.

Красота Фульвий являла взору нечто совсем иное – точно сияние зарницы вечером после грозы или незабудка, притаившаяся весной в траве со скромным блеском капель росы на лепестках, близ которой тихо, приятно щебечет малиновка, перепархивая по лужайке, – с этой мирной картиной сравнивали сестру Луция Коллатина.

Характер Фульвии, чуждый малейшим проявлениям своенравия и капризов, отличался добротой. Она была правдива, набожна, любезна с равными, почтительна к старшим.

Фульвия не видела Эмилия с несчастного дня бегства Ютурны, но не забыла о нем. Изредка приносил ей брат весточку о своем несчастном друге. Эти вести не могли радовать добрую девушку, она тосковала о бедном юноше, с каждым днем становившемся милее ее сердцу.

В этот осенний день Фульвия решила открыть свою тайну невестке.

У ног Лукреции стояла корзина, полная только что сорванных орехов – первых орехов этого года. Лакомясь ими за работой, Фульвия невольно вспомнила их символическое значение на свадьбах. Она робко вздохнула и прислонилась головою к дереву. Клубки шерсти, иголки, булавки, бывшие у нее на коленях, упали, раскатились по земле. Фульвия этого не заметила, отдавшись заветной мечте о любимом человеке.

– Милая, о чем ты так задумалась? – тихо спросила ее Лукреция, удивляясь странному состоянию ее духа.

– Сестрица, дорогая моя! – ответила молодая девушка и, обняв Лукрецию, повисла у нее на шее. – Сестрица, скажи мне, – прошептала она страстно, – скажи, как ты полюбила Луция?

Лукреция поцеловала темно-русые волосы своей золовки и ответила ей:

– Мы сами не знаем, когда и как зародилась наша взаимная любовь. Мы были очень маленькими, когда стали встречаться у наших родных и знакомых. Мы играли в войну, жертвоприношения, свадьбы, как делали все дети. Мы с Луцием решили, что будем мужем и женой, когда вырастем, – так и случилось. Отцы на нас радовались...

– А если б они не... – хотела задать Фульвия какой-то вопрос, но не dokonчила фразы, потому что ее внимание привлечено разговором служанки с каким-то гостем, идущим в сад.

Это место было, по-видимому, мало знакомо ему, потому что он нуждался в указании дороги к хозяевам.

При первом взгляде на гостя сердце Фульвии радостно забилося, запрыгало от восторга в молодой груди девушки. Она улыбнулась, пошла было навстречу, но вдруг застыдилась, сконфузилась, потупила взор и остановилась.

Вошедшим оказался Эмилий – предмет ее мечты, ее сожалений, вздохов, любви.

Он подошел, поклонился обеим хозяйкам по правилам высшего класса, традиционно прикладывая руку к своему лбу и груди, а затем сел на траву с ними.

Сознание, что Эмилий не только жив и здоров, но даже находится здесь, близ нее, наполнило сердце Фульвии восторгом беспредельным. В эти минуты ей казалось, что она способна умереть за него, за один его взгляд любви, за один вздох!.. Боги исполнили желание Фульвии, услышали ее молитвы, как ей казалось, благосклонно приняли жертвы – цветы, которые она почти каждое утро сама ходила рвать в полях и относила в храмы.

«Боги спасли Эмилия!» – подумалось ей.

Спросив о здоровье Луция и его отца, об их занятиях, выразив сожаление, что их обоих нет дома, сообщив кое-что о жизни в Риме, Эмилий, слегка смутившись, обратился к Лукреции:

– Однако, дорогая матрона, я к вам явился не затем, чтобы хвалить хорошую погоду. Я хочу сказать кое-что важное для меня самого и посоветоваться. Лукреция, помоги мне!.. Я сильно страдаю, ты одна имеешь возможность помочь мне умным советом. Теперь ты породнилась с домом Тарквиния, и Туллия тебя, кажется, любит. Я беден, не знатен... Если бы у меня не было нескольких любящих друзей, я совсем пропал бы в нищете – сын гордого, богатого, храброго Турна пошел бы в рыбаки или пахари, да и то ни в один деревенский округ не примут, не зачислят меня как человека патрицианского происхождения, чуждого простонародью. Ах, во сто крат легче крестьянину попасть в знать, нежели аристократу в чернь!..

– Это потому, что в житейских делах людей, как и в природе, – заметила Лукреция, – все стремится к лучшему, а не к худшему – к солнцу, а не в тень. Стремится восходить, расти, а не опускаться.

– Так... но... но нищета не самое ужасное из моих бедствий. Ах, Лукреция, скажу ли я?! Ах!.. Я люблю Арету, дочь Тарквиния Гордого.

Обе хозяйки ахнули на признание своего юного гостя. Лукреция испугалась за дальнейшую участь Эмилия, но возглас Фульвии был похож на болезненно-грустный звук струны, обрываемой грубой рукой.

Все для нее кончилось, все порвалось!..

– Безумный! – между тем стала говорить Лукреция, вне себя качая головой. – Давно ли ты был на волосок от казни?! Он любит дочь Тарквиния Гордого!.. Разве ты не знаешь, несчастный, что ее еще ребенком обручили с Октавием Мамилием, этрусским лукумоном, владельцем Клузиума?.. Неприязненные отношения Рима к Этрурии отстрочили брак Ареты, но теперь он скоро совершится. Октавий груб и некрасив, Арета никогда не только не полюбит его, но и не привыкнет к нему. Я уверена, что она будет несчастна... бедная Арета!..

– Бедная Арета! – глухо, как эхо, повторил Эмилий. – Она просватана... я этого не знал...

Настало неловкое, томительное молчание, пока его не нарушила Лукреция, пораженная предчувствием, что эти беды друга, как зубчатые колеса, зацепят и судьбу ее мужа, близкого к нему, – зацепят, следовательно, и ее.

– Ах, Эмилий! – заговорила она. – Люби Арету как несчастную сироту, гонимую мачехой, но не дерзай мечтать о дочери рекса как о любимой особе!.. Арета для тебя недостижима, как вон то светлое облако, как яркая радуга, как само небо, жилище бессмертных.

Эмилий грустно простился и ушел, не захотев дожидаться возвращения Луция домой от каких-то знакомых, куда тот ушел с отцом по делам.

Фульвии показалось, что солнце светит не так ярко, что оно меркнет для нее.

Дверь счастья рукой судьбы замкнулась и ключ к ней не найдется никогда.

Однако эта горделивая, родовитая римлянка скрыла горе в недоступный тайник сердца и никому о нем не поведала, а жизнь ее стала очень тяжелой.

В такие юные годы Фульвия уже имела проблески твердости воли. Теперь это ей пригодилось.

Никто не заметил тоски, разъедающей ей сердце, никто не заподозрил ее страданий, даже чуткая, вдумчивая, почти прозорливая Лукреция, которой молодая девушка намеревалась, но не успела открыть свою роковую тайну.

Теперь Фульвия замкнула это горе, не стремясь больше поведать его никому на свете, потому что Эмилий любит не ее – *он любит другую!*

Глава XII. Война и мир

В Риме каждый дальновидный человек понимал, что интриги дурных любимцев и жрецов хуже Тарквиния с его женой увеличивают общие бедствия.

В Риме начало твориться что-то совсем несообразное со здравым смыслом, но тем не менее естественное и присущее всякой тирании.

Великий понтифик, светский надзиратель и контролер духовных дел, следивший за всеми жрецами, обыкновенно бывал и главнокомандующим, но теперь вместо занимавшего этот высокий сан и ранг Вителлия против герников послан с войском родственник Тарквиния, обрученный жених его дочери, этрусский лукумон Октавий Мамилий.

Римляне старого закала из себя вышли при этом событии. Они не в силах были даже переварить той идеи, что их воинами будет командовать этруск не только происхождением, как скрепя сердце терпимый ими Тарквиний, но даже не причисленный к римским гражданам, не перешедший в подданство их области.

Однако ворчать почтенным квиритам на такое небывалое новшество пришлось недолго – война с герниками не состоялась благодаря не знакомому римлянам тех времен искусству дипломатии, уже очень сильно развитому у более культурного народа этрусков.

Мамилий предложил вместо битвы союз для общего похода на вольсков при столь выгодных условиях, что ошеломленные этим неожиданным компромиссом герники из врагов стали друзьями римлян.

Квириты старого закала тоже опешили, не зная, что им подумать про такой фокус, несвойственный их грубым понятиям об отношениях к чужеземцам, а народ возликовал, перестав страдать от опасений грабежей извне и осады внутри города.

Квириты старого закала пытались омрачить эти ликования и восхваления этруска, уверяя, что солидарностью с врагами Мамилий унижил Рим, что замышляемый поход даст славу и добычу одним герникам, что полководец-этруск не заботится о выгодах римлян.

Они в самом рексе-узурпаторе видели этруска – Тарквиний как был, так и остался чужд им и духом и образом жизни.

Многие из таких людей с неудовольствием следили, как скучное для них мирное время сменяет энтузиазм апатией, кипучую ретивость – ленивым бездельем.

Свадьбы, наречение именами младенцев и другие веселые семейные торжества, отложенные в дни близости вторжения врагов, опять собирали по домашним атриумам толпы патрициев и плебеев охотнее скучных совещаний сената и комиций, где стало не о чем препираться – оставалось только исполнять приказы тирана и его любимцев.

Римляне поневоле от безделья принялись за интриги и сплетни.

У Тулла Клуилия, престарелого жреца, фламينا Януса, в это время усилилась хуже прежнего его главная страсть – клеветать, добывать у Тарквиния смертные приговоры, подводить хороших людей под конфискации, обыски, ссылки.

Ненависть Клуилия постигла и Арету, ничему не причастную, кроме одного того, что сын казненного Турна, Эмилий, неосторожно переглянулся с ней во время чтения ответа оракула у Туллии.

Клуилий заметил этот немой разговор глаз молодежи, и относившийся доселе равнодушно ко всем юношеским забавам Эмилия старый фламмин, после его освобождения из тюрьмы начал придирается к нему всякий раз, когда встречал: нападал на него с брюзжанием в виде наставлений и поучений доброй нравственности, а наконец объявил, что скоро начнет сватать ему невесту из небогатых патрицианок.

В этих наставлениях, даваемых без спроса мнения самого юноши под благовидным предлогом участия к сироте – не сыну Турна, о котором как о казненном почти не говорили, а к

усыновленному внуку Эмилия Скавра, тоже умершего, – Клуилий изображал Арету хитрой и опасной интриганкой, похожей на ее отца, Тарквиния Гордого, лишь носящей вид смиренности, забитой мачехой, жертвы несправедливости.

Клуилий ругал Эмилия за мнимое легкомыслие и слабохарактерность, говорил, что ему вполне ясно его чувство к девушке, принимался многословно доказывать, сколько из этого может выйти хлопот и неприятностей с его опекуном Брутом и самой Туллией.

Иногда он пел ламентации в совершенно другом тоне – понизив голос, полупшепотом восхвалял всю погибшую семью Эмилия.

Его дед по матери, Эмилий Скавр, казался Клуилию идеалом великого понтифика и главнокомандующего, кем он и был при царе Сервии. Его отец Турн, по мнению Клуилия, не имел себе равного во всем Лациуме по уму. Его казненные братья носили в себе все задатки качеств будущих героев. Его мать превосходила всех матрон Рима хозяйственной распорядительностью.

Но лесть Клуилия не имела влияния на умного юношу. Эмилий помнил, что этот жрец – друг фламينا Бибакула и его предшественника, умершего Руфа, которые главным образом способствовали гибели всех Скавров и Гердониюв, казненных тираном или умерших в изгнании.

Но Эмилий был тогда еще так юн, что не мог понять, для чего все это надо фламину Януса – и лесть, и наставления сироте, не могущему оказать никакой услуги.

Он незаметно подпал под влияние жреца в том смысле, что дал ему еще сильнее разжечь ненависть к Тарквинию и его семье, чего не удалось сделать интригану только относительно одной Ареты, потому что Эмилий слишком хорошо знал эту девушку, выросшую вместе с ним, чтобы поверить какой бы то ни было клевете на нее.

Клуилий клеветал и на Брута, обвиняя того в совместной с Вителием поблажке нововведениям, по его мнению, губительным для Рима.

Под влиянием таких нашептываний Эмилий, и прежде не любивший Брута, положительно возненавидел его, хотя тот и считался его опекуном.

Клуилий нашептывал, будто знаменитый Говорящий Пес нечестно занимается оставленным сироте клочком отцовского и дедовского наследства, что доходы Эмилия идут на кутежи сыновей Брута и тому подобное.

Никогда не видя от опекуна ласки, юноша поверил и этому.

Клуилий говорил что, если Эмилий будет продолжать так вести себя с дочерью Тарквиния, ему едва ли когда-нибудь доверят важное дело, карьера его будет навсегда испорчена... А из-за кого и чего? Из-за красивой девушки, о которой Клуилий сомневается, искренне ли она любит мальчика, товарища братьев, или только кокетничает с ним до свадьбы... И болтлива-то Арета, и нескромна взглядами...

– Ты погляди когда-нибудь повнимательнее, – говорил он, – как она смотрит на молодого Марка Вителю.

Нашептывания про Арету по-прежнему пропадали даром.

Уходя от жреца после каждой из таких встреч с ним, сопровождаемых нотациями, Эмилий тверже прежнего решался остаться верным своей возлюбленной, хоть и без всяких надежд на счастье с нею.

Он еще был слишком юн и свеж сердцем, чтоб воспринять внушаемое интриганом относительно его любви.

Не мог он и завязнуть в сетях аристократических традиций, не мог признавать неодолимых преград счастью между ним и Аретой.

Что такое милость Тарквиния, похвала сената, поклонь уважающего тебя плебса, весь блеск и почести? Эмилию было не до них. Ему было безразлично само существование или уничтожение Рима в эти годы его пылкой страсти.

Он любил Арету не как дочь рекса, а видел в ней лишь подругу детских дней, без которой жизнь казалась ему невозможной. За нее он готов был терпеть все невзгоды и злоключения.

Эта житейская буря нагрянула помимо его готовности.

Едва Клуилий убедился, чего он достиг и чего достичь не может, он оставил юношу в покое, перестал при встречах докучать невыносимым брюзжанием.

Заставив Эмилия возненавидеть опекуна и других особ, кого считал нужным припутать к интриге, мрачный жрец стал нашептывать этим людям указания на признаки ненависти юноши к ним.

Интрига с незаметной постепенностью начала сказываться, проявлять себя. Повсюду, особенно у Вителиев, родни Брута, где прежде встречали Эмилия с жаркими объятиями, началась перемена отношений, как бы подпольная война среди мира – ледяная холодность сухой вежливости.

От Эмилия каждый старался отделаться, сплавить его от себя к кому-нибудь другому в собеседники или участником игры, занятий, дела, точно это был психический больной, способный на дику выходку, или зараженный прилипчивым недугом.

– Непокорный... непослушный... непочтительный... ненавидит свою благодетельницу Туллию, принявшую его в товарищи сыновей... ненавидит данного ею опекуна...

Такой слух в тогдашнем Риме означал ужасное пятно. Тем хуже было, что Эмилий был сыном казненного. Брут заступил ему место отца. Старший над младшим там властвовал пожизненно, никакой предельный возраст не полагался для избавления от такой опеки.

Молодому человеку сочувствовали лишь весьма немногие из понявших его натуру товарищей, между которыми был и муж Лукреции Луций Коллатин.

Брут, человек умный, но прямодушный, умея хитрить сам, не любил интриговать, поэтому и не понимал особ вроде Клуилия, а как человек глубоко религиозный не дерзал обвинять, даже мысленно, жрецов в плутнях, особенно дельфийского оракула, считавшегося самой великой святыней тогдашнего языческого мира.

Брут горевал, но не старался сблизиться с воспитанником, опасаясь повредить Эмилию этим расположением.

Глава XIII. Уличенный во лжи

Запуганный нашептываниями Клуилия, Эмилий решил видаться с Аретой тайно, не ходя больше к ней на женскую половину, даже стараясь, хоть и весьма неискусно, пустить молву, будто между ними произошла из-за чего-то размолвка.

Этому поверили далеко не все.

Эмилий тут рисковал быть уличенным во лжи, а это в тогдашнем Риме считалось столь тяжким позором, что закон осуждал человека на изгнание из города, а жители отворачивались, и только смерть одна смывала это пятно с памяти виновного.

Гордость Эмилия была еще не сильна; традиции римской фамильной спеси не успели укорениться в нем. Он не только не стал стыдиться своего решения, но, напротив, с момента запрета любовь получила для него особую прелесть.

Мысли Ареты тоже наполнились образом ее избранника. Думала она о нем везде: и дома, и куда бы ни шла вне его стен.

Эта кроткая девушка жила в пышной обстановке, оставаясь существом незаметным, ровно ничему непричастная, оттертая мачехой на задний план от всех дел семьи дальше, чем были служанки.

Думала Арета о своем избраннике и в жаркие часы сиесты – общего послеобеденного сна, когда пряла пурпурную шерсть в самой отдаленной беседке сада.

С образом Эмилия в думах девушки нераздельно возникал образ его исчезнувшей сестры.

Арете мнилось, что Ютурна не бежала, потому что никто из встречных поселян не видел ее среди гор, никто не указал ее следа, кроме невольника Брута и рыбака, в находки которых не одной Арете, но и нескольким другим особам плохо верилось.

Арете мнилось, что Ютурна упала в пропасть, каких находилось множество в лесных и горных трещинах той местности, где тогда охотился Тарквиний, – оттого и не нашли ее тела, а лишь обломки украшений.

Эта беседка в глухой части сада была прежде любимым местом Ютурны.

Эксцентричная сирота любила влезать на самый верх этой сквозной постройки, не имевшей ни стен, ни потолка, состоявшей из решеток, перекладины которой представляли удобную лестницу для карабканья по ним.

Ютурна, бывало, взберется на самую середину решетчатой беседки, свесит оттуда ноги внутрь, усевшись на толстую центральную перекладину, точно на лавочку, и поет там – поет дикий сумбур импровизаций на всякие темы, перенятые ею в детстве от деревенских гадалок.

Арета, вспоминая пропавшую, запела, продолжая пряхть:

Тщетно силились латины
Ниспровергнуть Рим во прах;
Он, подобно исполину,
Рос и крепнул им на страх.
Эквы, вольски и самниты
Тесный, дружеский союз
Заключили для защиты
От тяжелых римских уз,
И по всем странам соседним
Клич раздался боевой:
«Все готовы в бой последний,
Беспощадный, роковой!...»

Арета оборвала песню, заметив, что за стеной беседки, скрытой в листве облепившего ее решетки винограда, кто-то осторожно вторит ей.

Едва она умолкла, как туда вошел Эмилий – так быстро, что девушка невольно вздрогнула, не ожидая его, потому что он давно не ходил дальше лужайки перед домом.

Эмилий уселся около подруги своего детства, склонился понуренной головой на руку, а другой рукой стал молча рассеянно щелкать пальцами в аккомпанемент пощелкиванию пряющей.

Но вот Арета оборвала нить, смотала ее на веретено, заткнула его в приспособленное место при гребне прялки, потом, глубоко вздохнув от моментально пронесшегося целого роя совершенно новых мыслей, предчувствий, она погрузила свои руки в большую охапку всевозможных цветов, лежавших подле нее на лавочке, наслаждаясь в жару освежающим влиянием их сочных листьев.

Арета бледнела и краснела от радости, что таинственному врагу-сплетнику не удалось рассорить ее друга с ней, о чем слух дошел через братьев.

Она поняла, что Эмилий хочет что-то сказать, но не решается, и догадалась, что причина угнетения его духа – грозный рассудок, требующий разрыва их близости настойчивее, чем все старшие, в руки которых попала судьба этой несчастной четы.

Арета была в таком возрасте, когда для девушки впервые настает чудная весна ее жизни – пора любви, полная грез и сладостных желаний, – волшебная пора любовных чар, неги, еще чуждой порочного сладострастия, – пора такой мечты, где конечной целью является брак с ее милым.

Арета знала, что брак с нею, дочерью рекса, верховного правителя Рима, для Эмилия невозможен, но она не мирилась с такой перспективой будущего. Юная мечта рисовала ей нечто лучшее: что каким-нибудь способом препятствия устранятся, например, злая мачеха умрет от постоянной раздражительности, а тогда отец, хоть и всегда пьяный, рассеянный, облепившийся, но любящий свою дочь, позволит, благословит в добрую минуту...

Или Эмилий решится бежать с Аретой... Куда? Неизвестно... быть может, к своей самнитской родне, в Арпинум.

Арета, воспитанная в пренебрежении, слышала о других странах весьма смутно. Она, как и другие, подозревала, что Ютурна могла скрыться в Самний, живет под другим именем. Но как туда добраться Арете?..

– Не могу сказать, – заговорил Эмилий после долгого молчания, – но сказать надо. Лукреция настаивает – все пропало!..

– Что такое пропало, Эмилий? – спросила Арета в сильной тревоге и заплакала. – Дорогой друг! Мой милый Эмилий!.. Ты болен?..

Юноша застонал, беспокойно блуждая взором.

– Эмилий!..

– Твой жених Октавий скоро вернется с войны... конец!.. конец всему, Арета!..

– Октавию нет дела до моей дружбы с товарищем детства.

– Клуилий уверял Брута, будто до Октавия дошли дурные слухи о наших отношениях и он отказывается от твоей руки, ставит разные условия и, между прочим, мою смерть.

– Но для меня лучше, если Октавий откажется.

– Милая, разве мачеха спросит, что лучше для тебя?! Ах, Арета!.. Лукреция все мне объяснила: чем я мешаю, почему я лишний... но... – Он обнял и крепко прижал к себе испуганную дочь Тарквиния Гордого. – Я понял все! – воскликнул он. – Понял, когда стало поздно... Клуилий оклеветал меня. Это все его интриги...

За беседкой раздался мрачный и гнусавый старческий голос:

– А теперь Клуилий пришел доказать всему Риму, что сын Турна – лжец.

С ним были сыновья Тарквиния и другие свидетели из знатных особ.

Глава XIV. Безрадостный пир

Бруту и нескольким другим, тайно сочувствующим, с великим трудом удалось спасти Эмилия от казни за мнимое обольщение дочери Тарквиния, пересилить клевету Клуилия и других патрициев, подкарауливших свидание в беседке.

Зная, что Туллии страстно хочется отдать падчерицу за дальнего родственника, этрусского лукумона, злодеи внушили этому чванному человеку сделаться требовательным относительно приданого и репутации невесты.

По внушениям интриганов Октавий настоял на совершении перед бракосочетанием еще добавочного унижительного обряда очищения Ареты от дурных слухов произнесением ею в торжественном собрании родни и знати клятвы по данной рукописи.

Это была свадьба с некоторыми особенностями этрусского культа, в который переводили Арету, сильно не желавшую того.

Хмурый зимний день с мелким дождем уныло освещал сумрачную залу – атриум роскошного чертога.

Отойдя от простоты старых времен в обстановке жилища, Туллия не умела войти во вкус принятого ею от греков и этрусков вполне культурного декора всего, что ее окружало.

Все в ее жилище было тяжеловесно на вид, несоразмерно, одно к другому не подходило, будучи выбранным непривычным оком.

Огромные колонны с египетским лотосом на капителях поглощали веселый узор висевших между ними греческих драпировок, на которых вышитые мелкие нимфы гонялись за бабочками между гирляндами зелени.

В нишах с важностью сидели предки Тарквиния – и достоверные, недавние, и мифически-древние – в виде статуй с раскрашенными лицами, одетые в новое, праздничное платье, с венками свежей зелени на головах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.